

© 1997 г., ЭО, № 6

Т.И. Алексеева, Н.В. Захарова

ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ МОСКВЫ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ И ОНОМАСТИКИ*

Предпосылки исследования

В настоящее время население городов изучается, главным образом, в связи с антропогенным воздействием на него. Следовательно, и внимание в большей мере обращено на современное население¹. Значительно меньше исследований посвящено древнему населению. Но именно в них неоднократно отмечалась специфика антропологического типа городского населения, по сравнению с сельским², и показано, что уже на самых ранних стадиях формирования населения городов оно начинает испытывать воздействие изменившихся, по сравнению с сельскими, условий³.

По мнению В.П. Алексеева, к числу факторов, влияющих на биологические и психологические характеристики городского населения, относятся: расширение круга брачных связей, начало панмиксии и, следовательно, изменение генетической структуры населения; влияние характера питания и диеты на ростовые процессы и физическое развитие; изменение санитарно-гигиенических условий и нарушение эпидемиологической обстановки; воздействие особенностей градостроительства на психику человека⁴.

При изучении палеоантропологических данных древнерусских городов и сельских поселений были отмечены отличительные черты городского населения по сравнению с сельским⁵. По своему физическому облику горожане относятся к тому же антропологическому типу, что и жители окружающих город поселений, но для первых характерны более широкие лица и брахикефалия, что может быть объяснено ускорением ростовых процессов при расширении круга брачных связей и изменением социальной жизни. Также в результате расширения брачных кругов в городе увеличивается разнообразие фенотипов. И наконец, для городского населения характерно наличие небольшого, правда, числа патологических изменений в скелете, которые могут быть оценены как показатели адаптивного синдрома в условиях городской среды.

Заметим, что негативные явления урбанизации гораздо явственнее, нежели на древнерусских, обнаруживаются на средневековых западноевропейских популяциях. По мнению Р. Янаукаса, у городского населения Западной Европы эпохи средневековья на скелете фиксируются стрессовые проявления, по-видимому, свидетельствующие о более жестком «давлении» городских условий, нежели на Восточно-Европейской равнине⁶. Это подтверждается и меньшей продолжительностью жизни членов большинства западноевропейских популяций. Средняя продолжительность жизни на территории средневековой Руси колеблется от 32,3 до 43,8 лет, а в Западной Европе – от 30 до 34,9 лет⁷.

Ставя перед собой задачу изучения формирования древнего населения Москвы, мы руководствовались следующими соображениями.

Территория Москвы была заселена с древнейших времен. До славянской коло-

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 96-06-8128а)

низации эту территорию населяла мера – народ, судя по названию рек и урочищ, финно-угорской языковой семьи. При освоении Восточно-Европейской равнины славянами в районе будущей Москвы столкнулись два колонизационных потока: с северо-запада шли кривичи, с юго-запада – вятичи. Каждое из этих племенных объединений характеризовалось некоторой спецификой антропологических черт. И то, и другое впитало в себя черты местного финно-угорского населения. Ассимиляция коренного населения восточными славянами – факт, достаточно убедительно подтвержденный исследованиями, посвященными средневековому восточнославянскому населению⁸.

Географическое положение Москвы на перепутье торговых дорог, защищенность от внешних врагов трудно проходимыми лесами и болотами, создавали благоприятные условия для экономического развития города и привлекали в него население из различных частей страны⁹. В XVI в. из разных городов правительством были «сведены» в Москву предприимчивые граждане, в XVII в., после воссоединения России с Украиной, в Москве поселилось много жителей из украинских и белорусских городов, освобожденных из-под власти Речи Посполитой. Во второй половине того же XVII столетия население города пополнилось выходцами из Англии, Голландии, Дании, Швеции и других стран Западной Европы, которые владели различными профессиями¹⁰.

Приехавшие из-за границы иностранцы и переселенцы из других древнерусских городов положили начало многим московским слободам. Слободы имели церкви и при них кладбища. Следовательно, изучая краниологический и остеологический материалы из этих кладбищ, можно получить представление о том, из каких антропологических элементов складывалось население Москвы, каковы его истоки, что собой представлял круг брачных связей такого большого города, каким была Москва уже на ранних стадиях формирования Московского государства, и как это отразилось на физическом облике населения, его генетической и демографической структуре, характере заболеваемости и мере адаптивных возможностей.

Совершенно очевидно, что информации, полученной на основе изучения антропологического источника, будет явно недостаточно для ответа на поставленные вопросы. Поэтому мы решили прибегнуть к данным еще одного источника – ономастического.

В области популяционной генетики фамилии давно используются в качестве генетического маркера. А.П. Бужиловой в работе «Материалы к антропологической ономастике русского народа» была предпринята попытка выявить информативность пофамильного анализа для этнической антропологии на материале русских современных фамилий⁷. Сопоставление географического распространения современных фамилий с территориальными антропологическими типами русских, выделенными В.В. Бунаком¹¹, показало, что география фамилий не случайна и связана с распределением антропологических вариантов в русском населении. По мнению автора этого исследования, миграции фамилий отражают, по-видимому, реальные перемещения населения в период с XV по XIX в.

В дополнение к этому позволим себе привести схему распределения основных русских фамилий¹² и откорректируем ее с точки зрения распределения антропологических типов в зоне первоначального расселения русского народа¹³.

В.А. Никонов считал, что распределение основных русских фамилий образует четыре огромных массива в пределах сложившегося в конце XV в. единого Российского государства, и эти массивы совпадают с границами четырех историко-географических общностей России – суздальско-владимирскими землями, псковско-новгородскими, северными и землями нового освоения (XVI–XVII вв.).

Полного совпадения результатов нет, тем не менее нетрудно убедиться, что

* Пользуемся случаем поблагодарить А.П. Бужилову за ознакомление с методом и результатами ее еще неопубликованной работы.

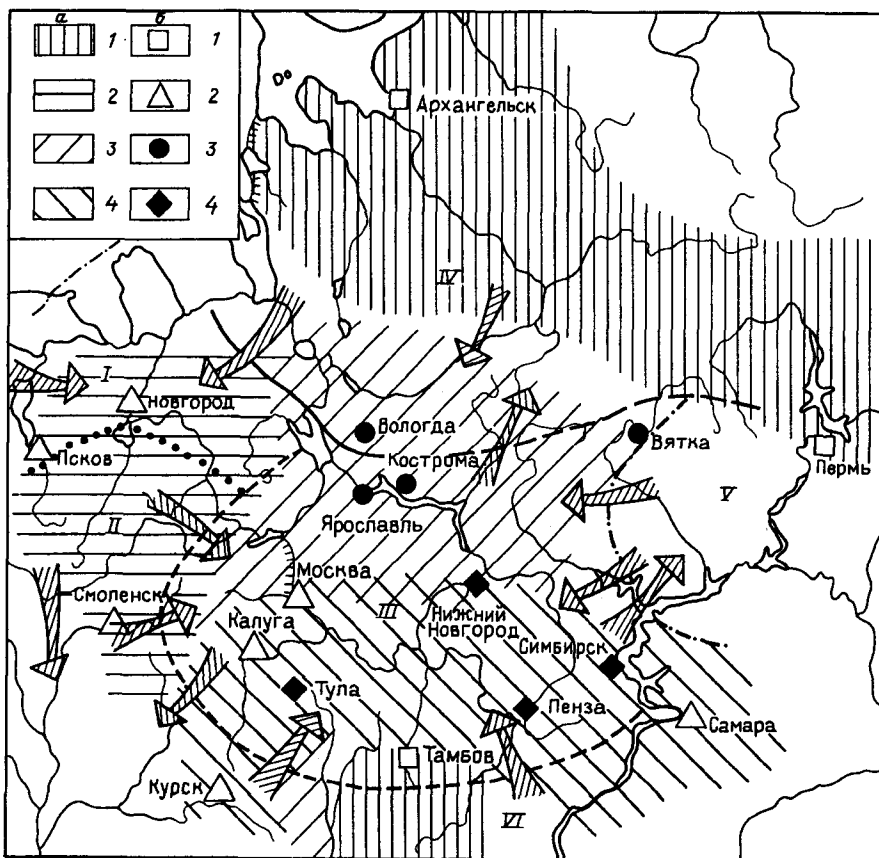

Рис. 1. Соотношение ареалов распространения основных русских фамилий и антропологических комплексов.

Зоны преобладания основных русских фамилий: 1 – Попов, 2 – Иванов, 3 – Смирнов, 4 – Кузнецов; а – сельское население, б – городское население (по В.А. Никонову, 1988).

Антропологические комплексы (по «Происхождение и этническая история русского народа», 1965): I – Прибалтийский, II – Валдайско-Верхнеднепровский, III – Восточноевропейский, IV – Белозерско-Камский, V – Волго-Камский и Приуральский, VI – Степной, ← – направление движения соответствующих комплексов

с фамилией Попов, распространенной в северо-восточном регионе, увязывается бело-зерско-камский антропологический комплекс; с фамилией Иванов, охватывающей западный регион, – прибалтийский и близкий к нему валдайско-верхнеднепровский; с фамилией Смирнов, локализующейся в центральном регионе, – восточноевропейский; в южной части этого региона распространена фамилия Кузнецов. Вместе с тем на эту же южную территорию заходит и юго-степной антропологический комплекс (рис. 1). Нам представляется, что подобного рода совпадения, как по данным А.П. Бужиловой, так и по нашим данным, позволяют использовать материалы ономастики и для реконструкции некоторых этногенетических процессов, которые происходят на той или иной территории.

Материалы, методы и некоторые итоги предшествующих исследований

Краниологические серии из московских некрополей XVI–XVIII вв. исследовались А.П. Богдановым, Зографом, Д.В. Дервизом и Т.А. Трофимовой¹⁴. Несмотря на различия в методических приемах и разную численность исследуемых объектов, все

авторы пришли к близкому мнению относительно антропологии древних москвичей. Были отмечены неоднородность антропологического облика населения, главным образом по черепному указателю (длинноголовые и широкоголовые формы), сходство с курганным средневековым населением Подмосковья, трансформация физического типа во времени в сторону брахицефализации, отражение в этом типе черт, присущих как славянам, так и финнам.

Против этих выводов возразить что-либо трудно. Остановимся подробнее на исследованиях Т.А. Трофимовой, так как они охватывают наиболее многочисленный материал. В ее распоряжении оказались 124 черепа из Кремля (85 мужских и 35 женских), датированных XVI в., и серия из 42 мужских и 19 женских черепов с кладбищ XVIII в., расположенных за пределами Кремля, преимущественно в Белом и Земляном городах. Материалы анализировались в сравнении с датированным тем же временем сельским и более ранним курганным населением Подмосковья.

Отметив эпохальный сдвиг в антропологическом типе населения Москвы и Подмосковья, проявляющийся в изменении черепного указателя, увеличении угла выступа носа и общей европеизации облика, Т.А. Трофимова объясняет это явление как внутренними перестройками физического облика, так и возможным смещением с более европеоидными группами, наличие которых широко представлено в находках из курганов, где было захоронено население близлежащих территорий. Наряду с этим она обращает внимание на присутствие среди городского населения как в Кремле, так и за его пределами индивидуумов, характеризующихся монголоидными чертами, но не внесших сколько-нибудь заметных изменений в общий физический облик населения.

Автор считает, что массового смещения, как в высших, так и в других социальных слоях древних москвичей, не было, в противном случае это отразилось бы в антропологических чертах.

Сравнение краниологических серий из Кремля и со старомосковских кладбищ каких-либо существенных различий не выявило, что, по мнению Т.А. Трофимовой, свидетельствует о том, что московская знать и рядовое население относились к одному и к тому же антропологическому типу.

В настоящее время мы располагаем краниологическим материалом с московских кладбищ, почти в 10 раз превышающим объем выборок, изученных Т.А. Трофимовой (рис. 2).

В последнее время антропология обогатилась новыми методами, позволяющими с большой полнотой оценить не только антропологию и демографический состав населения, но и условия его жизни. Есть основания надеяться на получение интересных результатов в ходе новых антропологических исследований древних москвичей.

Что касается данных ономастики, связанных с указанными исследованиями, то эту часть работы можно считать более или менее законченной.

Результаты ономастических исследований древней Москвы

Материалами для исследования послужили переписные книги Москвы 1665–1675 гг. Одной из причин, по которой мы обратились к ним, является недостаточная разработка письменных источников. Только начиная с XVII в. появляются переписи населения, в задачу которых входило выяснение круга лиц, способных нести военные и государственные повинности. В частности переписные книги Москвы 1665–1675 гг. были составлены в целях выявления лиц, обязанных нести «полицейские должности». Кроме того, нами использовался «Ономастикон» С.Б. Веселовского – свод фамилий, который ученый составил по результатам своих архивных исследований, охватывающих период с XV по XVII в.¹⁵ В нем указаны дата и место, где впервые в документах засвидетельствована та или иная фамилия.

Переписные книги включают население только Белого и Земляного городов. Составляя их, правительство интересовалось только той частью населения, которая, как известно, подлежала налоговому обложению или отбыванию казенных повин-

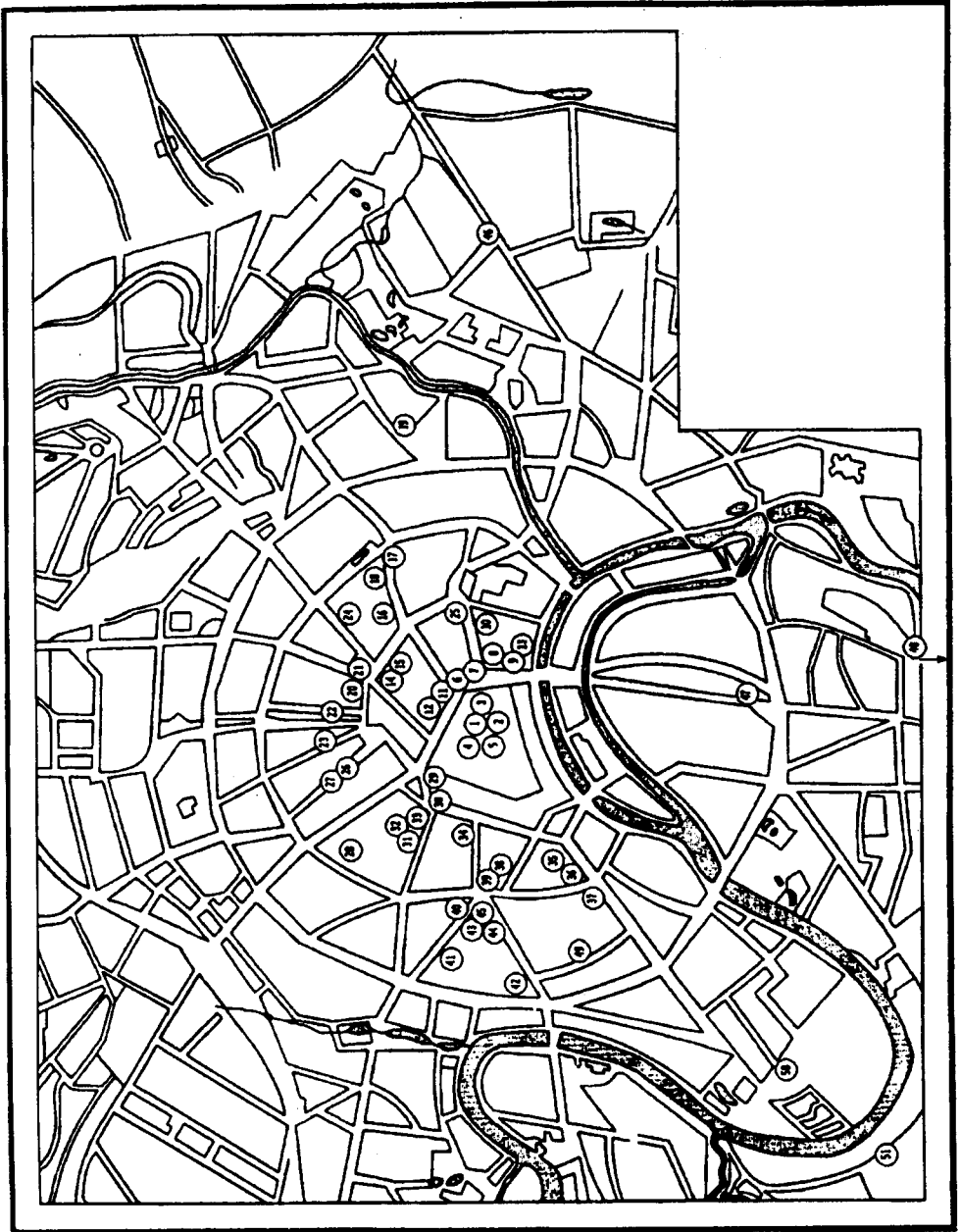

Рис. 2. Схема локализации краниологических серий из некрополей Москвы XV–XVIII в.

№	Номера черепов	Район	Местоположение находок
1	366–383	Кремль	
2	491–493, 495–503	Кремль	Чудов монастырь
3	7701–7720, 7722, 7723, 7728–7743, 7745–7761	Кремль	между Спасскими воротами, Чудовым монастырем и Домом правительства
4	8101–8106	Кремль	
5	5487–5489, 5491–5497, 5499–5519, 5521–5530, 5532–5549	Красная площадь	при расчистке площади под памятник Александру II
6	343–359, 361–365	Красная площадь	при постройке Верхних торговых рядов
7	567, 569–571, 573–584, 586–604, 7744	Красная площадь	возле собора Василия Блаженного
8	10023–10039	Зарядье	церковь св. Варвары
9	10247	Зарядный пер.	
10	10606–10616	Зарядье	церковь св. Анны
11	7839, 7847	Китай-город	Варварка, близ Георгиевской церкви
12	514–517	Китай-город	Варварская башня
13	10248		церковь Николы Мокрого
14	7692–7694	Лубянская площадь	угол Мясницкой, склепы церкви Гребенской
15	565–566		при постройке Политехнического музея
16	7848–7849	Покровка	угол Армянского пер.
17	7664–7687	угол Покровки и Земляного вала	церковь Иоанна Предтечи
18	609–612, 614–616, 618–6126	Покровская грязь	
19	384–410		при постройке Газового завода
20	7724–7727	Петровка	угол Столешникова, склепы
21	564		угол Столешникова и Б. Дмитровки
22	без номеров	Между Георгиевским и Камергерским пер.	Георгиевский монастырь
23	7471–7476	Петровка	церковь Козьмы и Демьяна
24	10065–10068	Пушечная	
25	10245	Солянка	
26	10871–10887	Тверская	Пушкинская площадь
27	445–449, 451–453, 455–471, 473–487, 489, 490	Тверская	Пушкинская площадь
28	561, 562		у Патриарших прудов
29	без номеров	Манежная площадь	Моисеевский монастырь
30	7290–7294, 7296–7309	Воздвиженка	у Манежа
31	7336–7342	Моховая	во дворе Университета, у Ботанического ин-та
32	5341–5343, 5345–5353, 5355, 5357–5365, 5367–5375, 5377–5388, 5390–5392, 5394–5411, 5413–5415	Моховая	во дворе Университета
33	5550–5558, 5560, 5562, 5563, 5565–5571	Воздвиженка	у дома Шереметьева
34	5417–5429, 5431–5463, 5465–5483, 5485, 5486		во дворе Румянцевского музея
35	11682–11685	Волхонка	угол Волхонки и Знаменки, д. 10
36	235, 236, 238–242, 244–304, 306–330, 332–342, 5657, 5658	Волхонка	храм Христа Спасителя
37	559–560		у Пречистенских ворот
38	10242–10244, 10228–10236	Арбат	
39	5640–5656	Арбат	церковь Святой Троицы
40	10246		ул. Воровского
41	5756–5764, 5766–5784, 5787–5796	Б. Никитская	Кисловский пер., близ церкви Бориса и Глеба
42	5659	Б. Никитская	
43	без номеров	Б. Никитская	церковь Малое Воздвиженье
44	без номеров	Никитский бул.	церковь Федора Студита
45	7688–7691	Никитские ворота	
46	7662, 7663	Шоссе энтузиастов	Владимирский химзавод
47	505–513	Б. Ордынка	церковь Великомученицы Екатерины
48	518–553		близ Симонова монастыря
49	411–444		церковь Успения на Могильцах
50	5575–5591, 5593–5619, 5621, 5623	Девичье поле	
51	5624, 5627, 5633–5638	Воробьевы горы	

ностей. Поэтому обыкновенно упоминаются владельцы дворов, самостоятельные хозяева, получавшие доход от торговли и ремесла, а также вдовы, владеющие дворами. Другие женщины и даже взрослые дети не учитывались¹⁶.

Нами была составлена картотека, которая включала 3694 чел., имевших фамильные прозвания или прозвища. Большой массив именованый со структурой «имя и полуотчество из канонического имени» (например, Иван Петров) в картотеку не вошел, так как они не могут считаться наследственными.

Сам материал мы разделили на две группы: фамилии, упоминавшиеся 1 раз, и фамилии, повторяющиеся, руководствуясь тем, что первые также не позволяют нам судить о наследовании их от поколения к поколению. В отношении к ним необходима более тщательная поисковая работа. Вторая группа фамилий, повторяющихся несколько раз, охватывает 2422 чел. Именно она составила основу анализа.

Судя по нашим данным, среди жителей Белого и Земляного городов представлены в основном светские феодалы, в том числе дворяне, а также приказные люди, ремесленники. В конце XVII в. фамилии имели почти все дворяне. Существовали они и в других слоях населения¹⁷.

Среди изученных нами 2422 чел. с неоднократно повторяющимися фамилиями 1168 имеют фамилии, встречающиеся в «Ономастиконе» С.Б. Веселовского, и, следовательно, мы можем ориентировочно судить об ареале преимущественного распространения той или иной фамилии в более ранние времена, а также о тенденциях заселения Москвы носителями указанных в переписных книгах фамилий.

Исходя из места первоначального бытования фамилий, мы выделили восемь географических регионов и подсчитали условный «вклад» каждого из них в формирование населения Москвы: новгородско-псковский – 5,16%, вологодский – 1,11, ярославско-костромской – 1,68, владимирский – 0,49, нижегородский – 0,46, смоленско-тверской – 1,41, рязанско-тульский – 1,79, подмосковный – 8,07% (рис. 3).

Как видим, основная часть населения принадлежала к местным уроженцам. Вклад московских фамилий составил 4,4%, а суммарный вклад по Подмосковию – 8,07%. Существенное формирующее воздействие оказали переселенцы из Новгородско-Псковских земель, в частности из Новгорода (4,54%). Известно, что большое влияние на формирование населения Москвы оказал «свод» – перевод сюда наиболее состоятельных и предприимчивых людей из присоединенных в начале XVI в. городов. В 1569 г. было «сведено» 145, а в 1571 г. – 100 семей новгородцев. «Сведенцы» из Пскова в 1569 г. насчитывали 500 чел. Их поселили на Сретенке, где они образовали целый квартал. Из исторических источников известен еще один значительный «свод» из Смоленска. В 1514 г. в Москву перевели большую группу смоленских купцов, которые образовали особый ряд «смолян», занимавших в торговой иерархии второе место¹⁸. Однако в отношении жителей Смоленска наши данные не соответствуют историческим сведениям. Вклад Смоленска (0,12%), по сравнению с Рязанью (0,88%), Тулой (0,68%), Вологдой (0,95%), несопоставим. Это, возможно, объясняется тем, что, во-первых, в XVII в. купеческих фамилий было очень мало и, во-вторых, за полтора столетия только наиболее видные из смолян сохранили свою значимость, и их фамилии не исчезли.

В формировании населения Москвы практически не играли никакой роли владимирский и нижегородский регионы. Объяснение этому мы находим у М.Н. Тихомирова¹⁹. Издавна Владимирская земля противостояла Москве в политическом плане, и, возможно, именно этим объясняется столь небольшой формирующий вклад этого региона. В отношении Нижегородской земли можно также предположить, что причина кроется в политическом конфликте. В XIV столетии центр политической жизни переместился из Владимира и Суздаля в Нижний Новгород. С возвышением Московского государства пришел конец и самостоятельности Нижнего Новгорода²⁰.

В заключение отметим, что наибольший вклад в формирование населения Москвы (по ономастическим данным XVII в.) внесли жители Подмосковию, а также переселенцы из Новгородско-Псковской земли, Рязани, Тулы. Вклад владимирского и ниже-

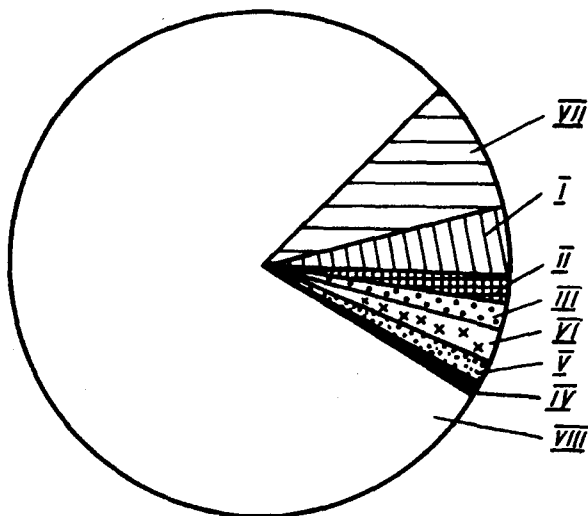

Рис. 3. Вклад регионов в формирование населения Москвы (по данным ономастики)

I – Новгородско-Псковский, II – Вологодский, III – Ярославско-Костромской, IV – Владимирский и Нижегородский, V – Смоленско-Тульский, VI – Рязанско-Тульский, VII – Подмосковский, VIII – фамилии, не определенные по С.Б. Веселовскому

городского регионов, по сравнению с другими, минимален, что, по-видимому, объясняется политической конфронтацией этих земель по отношению к Москве.

В антропологическом плане древнее и современное население этих регионов известно достаточно хорошо²¹. Следовательно, изучая антропологический состав Москвы XVII в., мы сможем понять, насколько действительно велик вклад этих регионов в формирование ее населения и как он отразился в генофонде жителей Москвы.

Примечания

¹ Алексеев В.П. Об исторической урбоэкологии // Урбоэкология. М., 1990.

² Подробнее см.: Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

³ Янаускас Р.П. К антропологии средневекового города (по литовским материалам) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993; Алексеева Т.И., Бужилова А.П. Население древнерусских городов по данным антропологии: происхождение, палеодемография, палеоэкология // Российская археология. 1996. № 35.

⁴ Алексеев В.П. Указ. раб.

⁵ Алексеева Т.И., Бужилова А.П. Указ. раб.

⁶ Янаускас Р.П. Указ. раб.

⁷ Алексеева Т.И., Бужилова А.П. Указ. раб.; Федосова В.Н. Развитие современной палеодемографии (палеоэкологические аспекты анализа фактических данных) // Российская археология. 1994. № 3.

⁸ Vinak V. The craniological Types of East slavik kurgans. Anthropol. Pr., 1932; Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. (Краниологическое исследование). М., 1969; Алексеева Т.И. Указ. раб.

⁹ Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв. // Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1992.

¹⁰ История Москвы. М., 1952.

¹¹ Происхождение и этническая история русского народа // Тр. Ин-та этнографии. Т. 88. 1965.

¹² Никонов В.А. География фамилий. М., 1988.

¹³ Происхождение и этническая история... С. 244 (схема антропологических комплексов на территории Восточной Европы).

¹⁴ Богданов А. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии // Изв. О-ва любителей естествознания. Т. IV. Вып. I. М., 1867; Zograf. Unber altrussische Schadel aus dem Kreml (Burg) von

Moskau // Archiv f. Anthropologie. Braunschweig, 1897; *Дервиз Д.В.* Черепа из старых московских могильников // Русский антропологический журнал. Т. XII. Вып. 3–4. М., 1923; *Трофимова Т.А.* Черепа из Никольского кладбища // Учен. зап. МГУ. Вып. 66. М., 1941.

¹⁵ *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974.

¹⁶ *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. I. М., 1950.

¹⁷ *Никонов В.А.* Указ. раб.

¹⁸ История Москвы. С. 150–155.

¹⁹ *Тихомиров М.Н.* Указ. раб.

²⁰ Там же.

²¹ *Алексеев В.П.* Происхождение народов...; *Алексеева Т.И.* Указ. раб.

T.I. A l e k s e e v a, N.V. Z a k h a r o v a. The ancient population of Moscow according to the anthropological and onomastic data

The anthropological and onomastic data, in combination with archival materials, make it possible to reconstruct the origin of the inhabitants of the early Moscow and, thus, to trace roots of migrations in medieval Russia.

© 1997 г., ЭО, № 6

В.А. Ку ч к и н

МОСКВА: ОТ ПОГРАНИЧНОЙ КРЕПОСТИ ДО СТОЛИЦЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Когда речь заходит о средневековой Москве, в памяти невольно возникают запечатленные в художественных полотнах ее образы в древности: со рвами и валами, дубовыми крепостными стенами, резными кровлями высоких теремов, изящными маковками церквей, теснящимися друг к другу избами простых горожан. Эти яркие картины прошлой Москвы, имеющие, главным образом, эстетическое, но, впрочем, и некоторое познавательное значение, несомненно, должны строго корректироваться научной мыслью, основанной на всестороннем и беспристрастном изучении исторических фактов. Так, воображению художников XIX–XX вв. ранняя Москва представлялась небольшой и плотно застроенной, и на живописных полотнах первоначальный Московский Кремль изображался с примыкающими к нему городскими строениями. Однако проведенные недавно археологические исследования показали, что вблизи кремлевских стен в начале Ильинской ул., на Разинском спуске, в районе восстановленного Казанского собора, на пространстве от Большого Каменного моста до Театральной площади даже по прошествии нескольких десятилетий после постройки московской крепости простирались хлебные поля, которые позднее сменили огороды¹.

Сельский облик был присущ Москве изначально. Во всяком случае из сохранный летописью обращение суздальского князя Юрия Долгорукого к своему союзнику новгород-северскому князю Святославу Ольговичу: «Приди ко мнѣ, брате, въ Московъ»², где впервые упоминается Москва, нельзя с категоричностью заключить, что речь в обращении идет именно о городе, а не о селе.

Эти слова первого суздальского князя были хорошо известны уже историкам XVIII в. В 1793 г. была издана Воскресенская летопись, которая содержала подобную фразу³. Но только в прошлом столетии были обнаружены летописные памятники, в которых самое древнее известие о Москве читалось в наиболее первоначальном и полном виде. При работе над «Историей государства Российского» Н.М. Карамзину посчастливилось найти как Хлебниковскую летопись, представляющую собой пере-